

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США И ПАРАДИГМА МИРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ваагн Аглян

Наряду с ускоряющимися темпами глобализации за последний период произошли существенные изменения в стратегической парадигме США. В данной статье предпринята попытка проанализировать и обозначить провозглашенные действующей американской администрацией концептуальные и практические аспекты внешней и оборонной политики, главные постулаты «доктрины Буша», общие параметры стратегического присутствия и влияния США на мировые процессы, а также воздействие протекающих трансформаций на сферы международной и региональной безопасности в среднесрочной перспективе.

В начале 21 века в господствующей на протяжении десятилетий парадигме международных отношений наблюдаются значительные сдвиги. Ускоряющиеся темпы развития на региональном уровне, искажение традиционных отношений лояльности и авторитетности в иерархии межгосударственных отношений, как и содержательное изменение восприятия государственного суверенитета, непосредственно взаимосвязаны со стремительно развивающимися процессами глобализации. Увеличение числа и влияния новых негосударственных акторов на международной арене, распоряжающиеся огромными ресурсами сетевые организации, а также превалирующая ныне тенденция непризнания государственных границ существенно изменили понимание «классических» постулатов реалистической школы (анархичный мир, государственный/национальный интерес, государственная безопасность и др.). Устоявшаяся на протяжении нескольких веков логика рационального прагматизма и сама концепция «рационального актора» в нынешней ситуации переосмыслиются. Разумеется, стимулирование наднациональных процессов действительно отражается на «традиционном формате» межгосударственных отношений. Государственный суверенитет больше не воспринимается как абсолютная ценность: тенденция, принципиально обусловленная комплексным характером глобализации.

Тем не менее, глобализация достаточно разнообразно отражается на крупных державах, материально-силовые и организационные ресурсы кото-

рых позволяют им оказывать довольно сильное воздействие на векторы международного развития. С этой точки зрения в разных частях мира национальное государство все еще продолжает оставаться основным субъектом и носителем политической ответственности [1].

С исчезновением двухполюсной макросистемы безопасности, обеспечивающей в свое время основу относительной (контролируемой) международной стабильности, обозначились определенные тенденции формирования многополюсного мира. Однако последние не приняли долговременного характера: выдвинутая бывшим генсеком ООН Б.Гали «Повестка мира» провалилась в результате реального противодействия США, посчитавших неприемлемым предоставление этой организации наднациональных функций. Более того, в некоторых случаях количественное сокращение военных расходов и вооруженных сил вскоре трансформировалось, по сути, в качественное перевооружение современных армий: разработка стратегии ведения «сетцентричных» войн, создание и усовершенствование сил быстрого реагирования, внедрение передовых научных разработок в военной сфере стали важнейшими задачами военного развития технологически продвинутых стран.

1. Новые тенденции в мировой политике и основные векторы «доктрины Буша»

Новые тенденции нашли наиболее предметное воплощение в политике США: в конце 1990-х годов Вашингтон значительно увеличил дотации на обеспечение национальной безопасности, объявив основной задачей широкомасштабной программы перевооружения сохранение в среднесрочной перспективе американского военно-технологического превосходства в мире. Сохраняя на концептуальном уровне верность положениям «реалистической школы», американская стратегическая мысль отнюдь не исключила вероятность возникновения новых войн в будущем: поступательное увеличение военной мощи все так же рассматривается в качестве основной предпосылки обладания статусом единственной сверхдержавы. Именно это измерение мощи государства было принято за основу, гарантирующую долговременность однополярного мироустройства. Еще в 1997г. З.Бжезинский указал те четыре сферы, которые призваны обеспечить базу американской глобальной мощи: американское военное присутствие во всем мире, экономическое и технологическое лидерство и культурная гегемония [2].

В этом контексте не удивительно, что экспертное сообщество отмечает три уровня оценки государственной мощи:

- ресурсы или возможности,

- то, как эти возможности трансформируются в действие в горниле внутринациональных процессов,
- «результаты мощи», подразумевающие способность каждого государства превалировать в различных стратегических ситуациях.

Согласно прогнозам Группы стратегических оценок (SAG), включающих совокупность макроэкономических, военных, технологических и демографических факторов в рамках государственноцентричного подхода, по положению на 2015г. США сохраняют «20% мировой мощи», Китай и Евросоюз – по 14%, Индия – 9%, Бразилия, Южная Корея и Россия – по 2% [3]. Из этого прогноза очевидно, что США, опираясь как на свою материальную мощь, так и на институциональные и организационные возможности, смогут наиболее эффективно воздействовать на мировые процессы, в том числе в областях, относящихся к так называемому «неправительственному сектору».

Вместе с тем внешняя, а в какой-то мере и внутренняя политика США на данном этапе вынужденно сталкивается с качественно новыми, «нетрадиционными» вызовами. Во-первых, в отличие от эпохи Холодной войны, суть нынешних международных отношений теряет свою былую рациональность (логичность). В среднесрочной перспективе сверхзадачи американской внешней политики будут включать в себя контроль над развивающимися в разных частях мира хаотичными («внесистемными») процессами, или, как минимум, прогнозирование и «направление» этих процессов в соответствующее интересам США русло. Иными словами, очевидно стремление Вашингтона, с одной стороны, использовать возможности «неопределенного периода» для собственного усиления, а с другой – избежать «необратимых» отрицательных последствий, которые в дальнейшем в той или иной степени затронут интересы США.

Во-вторых, наличие «асимметричных» угроз национальной безопасности вынуждает американское руководство пересмотреть превалирующие в прошлом некоторые стратегические положения внешнеполитической парадигмы в пользу принятия более гибкого *modus operandi*-и. Примечательно, что действующая американская администрация рассматривает новые вызовы в контексте глобализации, в условиях которой потенциал влияния США существенно превосходит степень влияния других государств и их объединений.

В-третьих, несмотря на то, что традиционные геополитические реалии пребывают на стадии трансформации, однако классические «аксиомы» геополитики, в том числе принцип силового баланса, пока еще никто не отменял. В этом смысле рост любой державы, способной бросить вызов глобаль-

ному преобладанию США, несомненно, натолкнется на достаточно явное противодействие.

Основные сдвиги в доктринальной и оперативной плоскостях современной американской стратегии получили свое отражение в так называемой «доктрине Буша», в целом выразившей всю палитру основополагающих нововведений в сфере внешнеполитического планирования. Последняя, не будучи официальным документом американской внешней политики, в действительности отражает «матрицу» идеологических позиций преобладающей в нынешней администрации (с некоторыми оговорками) неоконсервативной элиты. Причем наблюдаемая в последнее время доктринальная бескомпромиссность свидетельствует о том, что ужесточение внешней политики республиканского правительства приобретает все более несдерживаемый характер с целеустремленной готовностью в одностороннем порядке «идти до конца». В принятой в 2002г. Концепции национальной безопасности США четко зафиксировано, что беспрецедентное превалирование американского государства в современном мире создает подходящую возможность для «распространения плодов свободы во всем мире», и «США будут активно работать над тем, чтобы донести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и либеральную торговлю во все уголки планеты».

Одновременно администрация Дж.Буша рассматривает распространение демократии как ключевой элемент не только в борьбе с терроризмом, но и в рамках более широкой парадигмы реализации американской стратегии. Опираясь на озвученный американским президентом тезис о том, что распространение демократии и либеральных ценностей соответствует долгосрочным интересам США, администрация Дж.Буша выразила твердую решимость применять военную силу для достижения упомянутых целей в ключевых регионах планеты [4]. Более того, в стратегической парадигме США официально закреплена доктрина превентивных действий. Актуальность задействия данной доктрины в практической стратегии США аргументируется тезисом о том, что концепция сдерживания и «отбрасывания» на данном этапе утратила свое былое назначение ввиду своей неадекватности текущим проблемам безопасности.

Характерно, что, признавая «системный» характер существующих разногласий с исламским миром, терроризм воспринимается больше как результат политического давления и несовершенства политической системы, нежели как явление, обусловленное экономическими и социальными факторами [5]. В отличие от сторонников реалистического подхода (и к их неудовлетворению), неоконсерваторы склонны рассматривать моральные аспекты поли-

тики в плоскости идеологического противоборства, с соответствующими практическими импликациями. Ярким примером этому может служить существование списка стран, включенных в так называемую «ось зла» (Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Северная Корея), побудительные мотивы к борьбе с которыми несут, скорее, смысловую нагрузку моральных обязательств, но в меньшей степени связаны с выдвинутым Клаузевицем постулатом о продолжении политики военными средствами. В этом смысле частые обращения Дж.Буша и других высокопоставленных представителей американской администрации к Господу и Провидению отражают мессианский постулат о «великой миссии», для мотивационной актуализации которого нынешняя администрация США не жалеет усилий. По мнению некоторых специалистов, «мессианство политики США выражается как стремление к превалированию американской политической модели» [6].

Хотя в предметной плоскости актуализацию геоидеологии как *универсального* и принципиального явления трудно однозначно оценить и определить в качестве таковой в реальной внешней политике США, однако существующие тенденции дают основания полагать, что информационно-идеологическая подоплека политических действий будет возрастать. На это в своем недавнем заявлении косвенно намекнула также госсекретарь США К.Райс, отметив, что Америка ничего не предприняла для развития демократии на Ближнем Востоке: «Мы не получили ни демократии, ни свободы».

2. Приоритетные сферы стратегических трансформаций

Еще в 1999г. было заявлено, что «ядерное оружие – единственное и важнейшее средство удержания преступных режимов от использования оружия массового поражения против США» [7].

Опубликованная в декабре 2001г. Концепция ядерной стратегии США указывает пять основных поводов для возможного использования ядерного оружия:

- сдерживание региональных держав от использования оружия массового поражения (ОМП),
- сдерживание наступательных действий, осуществляемых соперничающими на мировой арене державами с использованием ОМП или обычных вооружений,
- усиление мощи США в кризисных ситуациях,
- предотвращение катастрофических потерь американской стороны в ходе обычной войны,
- обеспечение особых возможностей, позволяющих уничтожить глубокие подземные цели [8].

Важный вывод Ядерной стратегии заключается в том, что одного ядерного оружия недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от возникающих современных угроз. И поскольку прежние положения о прямолинейных ответных действиях американских СЯС неадекватны современным «асимметричным» угрозам, выдвигается концепт планирования «новой триады», включающей в себя ядерные и неядерные наступательные системы, активную и пассивную оборону, а также жизнеспособную оборонную инфраструктуру, в целях обеспечения готовности к «широкомасштабным стратегическим изменениям». В этом контексте фактически распадается доминирующая в эпоху Холодной войны логика оборонительного союза (конкретная угроза – единый ответ). Вместо этого на первый план выводится концепция, основанная на возможностях [9]. При этом важнейшее место уделено гибкости оборонительной и наступательной систем за счет усиления «стратегического резерва».

Проявлением нынешнего американского концепта оборонительной достаточности является наличие в парадигме оперативного планирования стратегических сил (согласно Концепции ядерной стратегии) списка целей возможного поражения, куда входят Северная Корея, Иран, Сирия, Ливия, Китай и Россия. Этот вектор проявляется в целом ряде важных шагов администрации США, напрямую относящихся к ядерной сфере: выход из Договора о противоракетной обороне (1972г.), снижение порога применения ядерного оружия, проведение новых ядерных испытаний, исследование способов военного применения обогащенного урана в обычных вооружениях, выявление новых областей использования ядерных технологий. Лежащая в основе ускоряющихся в ядерной сфере трансформаций идея заключается в том, что США вступили в довольно рискованный период, когда неизбежны угрозы национальной безопасности страны, между тем само ядерное оружие в руках террористов и «преступных режимов» имеет всего лишь значение «обычного», но сверхэффективного оружия.

Летом 2005г. стали известны некоторые важные положения «Обзора оборонных возможностей» Пентагона с традиционным представлением перечня основных угроз национальной безопасности США. Более конкретно, в документе сформулирована так называемая «матрица угроз», которым вооруженные силы США должны будут противостоять в ближайшей перспективе. Спектр угроз безопасности, включающий четыре их вида, более подробно был представлен министром обороны Д.Рамсфельдом. По оценке Пентагона, в настоящее время и в ближайшем будущем США прежде всего будут иметь дело с пресечением *нерегулярных угроз*: атаки террористов, мятежи, граж-

данские войны, вспышки агрессивного национализма и т.д. Второе место занимают так называемые «катастрофические угрозы», включающие приобретение и скрытый контроль со стороны террористов или государствами-изгоями над оружием массового уничтожения либо получение доступа к технологиям производства средств нападения, по поражающему эффекту сопоставимых с ОМП.

Угрозы третьего уровня носят «традиционный» характер и относятся к вероятно широкомасштабному военному столкновению с другими регулярными армиями мира.

На последнем месте «подрывные угрозы», которые могут пошатнуть или свести на нет превалирование США в отдельных сферах. Эти угрозы включают «будущие вызовы со стороны конкурентов, разрабатывающих и использующих технологические прорывы» с целью нейтрализации превосходства США в «специфических областях деятельности». По всей видимости, в ряду данных типов угроз подразумевается разработка и производство конкурирующими странами таких технологий, которые могут опередить США в инновационной области [10].

По замыслу стратегов Пентагона, новые непредсказуемые угрозы определяют также принципы и направления развития американских ВС, которые все в большей степени будут ориентированы на ведение новых типов войн. На этом фоне примечательна «ссылка» Д.Рамсфельда на обязательность военных интервенций в целях поддержания стран, пострадавших от рук международного терроризма. Согласно Д.Рамсфельду, они «будут носить избирательный характер и станут предметом политических дискуссий».

Проблемы этого спектра рассматриваются во взаимосвязи с обеспечением внутренней безопасности США и, очевидно, предполагают цепочку превентивных мер. По существу, речь идет об реанимировании неновой концепции «ограниченных войн», разумеется, учитывающей современную обстановку в мире. В 1990-ые гг. сторонники ведения войн «с ограниченными целями» прогнозировали, что наряду с минимизацией вероятности возникновения «большой войны» открывается новая область для решения определенных политических проблем военно-силовыми методами. Правда, следует отметить, что в свое время профессиональные армейские круги США выражали явное недовольство возложением на плечи армии решения подобных нетипичных проблем. Сторонники концепции «подавляющей силы» («доктрины Пауэлла») среди условий для широкомасштабного военного вмешательства указывали прежде всего ясность поставленных задач и непосредственную угрозу стратегическим интересам США [11].

Тем не менее, в действительности доктрина «подавляющей силы», предполагающая ведение широкомасштабных боевых действий, вовсе не утратила своей актуальности в «стратегическом арсенале» внешнеполитической повестки США. По сути, лишенные условностей антитеррористической борьбы глобальные геополитические интересы США требуют серьезной макроресурсной централизации, при которой «стратегические переменные» вполне могут служить государственным целям иного качества. Так, в ряду обозначенных тем же Пентагоном в 2005г. задач национальной безопасности указывается, среди прочего, необходимость влияния на формирование «стратегических выборов крупных стран» мира [10].

3. Проблема ресурсной самодостаточности и приоритетные макрорегионы геостратегического влияния США

По мнению группы влиятельных американских экспертов, основные направления военной стратегии США кристаллизуются в области осуществления двух сверхзадач. Это политическое преобразование Ближневосточного региона и его трансформация в Большой Ближний Восток при одновременной подготовке к решению другой стратегической задачи – более жесткого пресечения/сдерживания глобальных геополитических амбиций Китая, с использованием возможностей проецирования силы на большие расстояния. В целом, новые аспекты американского миропонимания, а также результаты стратегического прогнозирования констатируют, что США находятся на этапе серьезного пересмотра традиционных геополитических интересов. Новые подходы сходны в том, что в среднесрочной перспективе «эпицентр» основных угроз переместился в Евразию и развивающиеся страны мира. Вместе с тем признается, что успех американских стратегических планов по переустройству данного макрорегиона может предопределить сохранение глобального преобладания США на долгую перспективу. Нынешняя американская военная передислокация из Европы на Восток обусловлена именно этими замыслами.

На данный момент наиболее важной задачей является достижение качественных успехов в Ближневосточном регионе. Несмотря на предпринятые дипломатические шаги, направленные на смягчение жесткой нацеленности США «цивилизовать» Ближний Восток по американским рецептам и уменьшение негативного резонанса международной общественности, в Вашингтоне четко осознают, что стратегические «ставки» в этой борьбе слишком высоки. Неудача на Ближнем Востоке и его «потеря» для США могут обернуться крайне неблагоприятными последствиями – пошатнется основа

энергетической безопасности страны, станет невозможным транспортно-энергетический контроль над крупными странами (в том числе над Китаем и ЕС), зависящими от импорта ближневосточной нефти, «сплав» политизированного ислама и терроризма станет еще большей головной болью для американской внешней политики [12].

Задействованная на практике доктрина широкомасштабного вовлечения, требующая непрерывного наращивания степени вовлеченности и активности, по мнению американских экспертов, в ближайшей перспективе делает невозможной «стратегию выхода» из Ирака и Афганистана по вьетнамскому варианту. С другой стороны, по целому ряду причин практически невыполнима стратегия «замораживания» региональной ситуации. Заявленная в июле 2005г. президентом Ирана готовность и дальше развивать собственную ядерную программу принципиально меняет военно-политическую ситуацию в регионе, делая проблематичным разрешение политических и стратегических противоречий невоенными средствами [13].

С другой стороны, в складывающейся обстановке весьма затруднительным становится также применение войск на двух принципиально различных театрах военных действий (ТВД). Безусловно, война в Ираке во многом сковывает концентрацию силовых ресурсов (военная операция в Ираке поглощает около 80% мощи американской армии и 20% военного бюджета) для противодействия «странам исламского ядра» (Иран, Ирак, Пакистан, Афганистан) и затрудняет сохранение стратегической инициативы в руках у США. В любом случае, обостряющаяся военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке резко снижает вероятность того, что США удастся достичь своих целей путем мирных преобразований.

Ясно, что решение подобных широкомасштабных задач требует серьезной ресурсной базы. В 2005г. военный бюджет США превысил отметку в \$500 млрд, что составляет примерно 50% мировых военных расходов. В результате ускоренного увеличения финансовых расходов, дефицит бюджета США составляет 3,5% ВВП страны (порядка \$427 млрд). Постоянное финансовое перенапряжение, вероятно, вскоре поставит американское руководство перед политическим выбором: сократить либо социальные, либо военные расходы. Ощущается также нехватка в живой силе: в настоящее время регулярная армия США насчитывает 33 бригады (1,4 млн военнослужащих), однако для обеспечения собственного периметра безопасности и осуществления поставленных стратегических целей за рубежом США требуется сформировать как минимум еще 11 дополнительных бригад. С другой стороны, объявленная 4 года назад программа по обеспечению американской армии

новейшим вооружением пятого поколения существенно сокращает квоту на приобретение уже существующих обычных типов вооружений. Сегодня примерно 17% военного бюджета используется на научно-исследовательские работы в оборонной области. На приобретение новой техники и вооружений предусмотрено примерно 19% бюджета, в то время как значительные средства направляются на модернизацию имеющихся вооружений. Администрация Дж.Буша уже заявила, что планирует в ближайшие пять лет сократить расходы на приобретение новой техники и вооружений на \$85 млрд [14].

Несмотря на огромное военно-техническое и технологическое преимущество США, американские ресурсы не бесконечны: необходимы как финансово-материальные, так и политические средства для продолжения борьбы теми методами, которые приняты на вооружение действующей администрацией. Стратегическая дилемма заключается в том, что фискальные возможности США ограничены во времени и пространстве, а политическая воля правящей американской элиты и ее сторонников – непреклонна. В подобных условиях необходимо либо добывание все новых и новых ресурсов для увеличения оперативного резерва, либо адекватно новым вызовам предпринимать ответные «асимметричные» шаги. Судя по всему, вашингтонские стратеги склонны «синтезировать» эти два подхода. Так, в концептуальных разработках поддерживающего республиканскую администрацию влиятельного Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute*) подтверждается, что военно-воздушные и военно-морские силы США продолжают осуществлять «стратегию маятника» в целях обеспечения мобильности военной силы между двумя ТВД – силового прикрытия боевых действий на Ближнем Востоке и сдерживания Китая – лишь в последний момент принимая решение о массированном «подавляющем» использовании военного потенциала США [13].

Сегодня США не только сохраняют, но и последовательно усиливают свое и без того значительное военное присутствие в Восточной Азии и азиатско-тихоокеанском регионе, отчасти дополняя его за счет перебрасываемых из Европы сил. Только в 2002-2004гг. США передислоцировали на расположенный сравнительно недалеко от китайского побережья остров Гуам 3 субмарины класса *Los Angeles*. А вдоль морской оборонительной линии Китая постоянно несут патрульную службу модернизированные подводные лодки «Трайдент», каждая из которых имеет на вооружении 154 крылатые ракеты «Томагавк» и держит на прицеле важнейшие объекты китайской военной инфраструктуры. В случае обычного вооруженного столкновения, ВМС США в состоянии заблокировать внешнюю морскую торговлю Китая и пре-

сечь выход китайских военных судов из портов их постоянной дислокации [15]. Военно-воздушная составляющая американского присутствия в регионе также нацелена на сдерживание и предотвращение каких-либо наступательных акций со стороны Китая.

В среднесрочной перспективе Вашингтон рассчитывает также использовать в качестве стратегического рычага воздействия на Китай исключение какой-либо серьезной роли последнего в ближневосточных процессах. Прекрасно осознавая, что возрастание зависимости Китая от импорта ближневосточной нефти естественно способствует «фокусировке китайских интересов в этом регионе», США предпринимают и продолжают предпринимать в будущем последовательные шаги по удержанию в своих руках стратегической инициативы в ближневосточных делах.

Одновременно, на сдерживание нарастающего влияния Китая в макро-региональных процессах, среди прочих текущих задач базирования ВС в этом регионе, направлено и американское военное присутствие в центральноазиатских республиках. Официально, появление американских военных баз в Кыргызстане (аэродром в Манасе), Узбекистане (Ханабад)¹ и Таджикистане обосновывается необходимостью тыловой поддержки антитеррористической операции на территории Афганистана. Однако факт в том, что разведывательный потенциал американских военных баз и высокая готовность к оперативному реагированию/развертыванию (военно-воздушная составляющая) вполне могут служить целям силового давления на Китай с севера.

Вместе с тем, размещение американских контингентов на постсоветском пространстве – это не только «производная» большой политики противодействия Китаю. Наличие англо-американских войск в центральных районах Евразии, несомненно, выражает собственную, геополитически «самодостаточную» тенденцию, которую необходимо рассматривать также в плоскости российскоцентричной парадигмы региональной безопасности. По мнению некоторых специалистов, сдвиг американской геополитической активности в центральную Евразию обусловлен как неуклонным внутренним ростом Китая, так и завершением периода временного ослабления России. С другой стороны, признается, что принципиальные разногласия между США и исламским миром превращаются в постоянный фактор международных отношений, что делает императивным сохранение военного присутствия США в регионе [16].

Не секрет, что США преследуют на постсоветском пространстве серьез-

¹Скорее всего, американские войска будут выведены с территории Узбекистана к началу 2006г. В июле 2005г. официальный Ташкент уведомил американское военное руководство о дальнейшей нецелесообразности функционирования базы США в Узбекистане. «Американцы уйдут из Узбекистана «без разговоров», 28.09.2005, www.lenta.ru.

ные стратегические и транспортно-энергетические интересы, зафиксированные не только в официальных «программных» документах, но находящие свое отражение в логике практических действий США в регионе. Поддержка независимости постсоветских республик и пресечение возможных гегемонистических амбиций России в отношении этих стран также наполнено реальным содержанием и укладывается в канву принципиальных положений американской внешнеполитической линии. В реальности, однако, маловероятно, чтобы американские стратеги предприняли предметные усилия по созданию системы внешнего балансирования против России в Евразии, через создание и поддержку антироссийского блока постсоветских государств.

Во-первых, существует объективная реальность: со времен распада СССР между Россией с одной стороны и всеми остальными республиками (включая Прибалтийские) – с другой, не произошло существенного изменения соотношения военных расходов, совокупной мощи армий и показателей ВВП. По положению на 2000г., на долю России приходилась примерно половина населения бывшего Союза, 88,5% ВВП, 93% военных расходов, 58,25% вооруженных сил [17]. С учетом этих реалий становится очевидным, что жесткая политика внешнего балансирования по отношению к России может привести к обратным результатам. Трудной задачей является также *реальное* сплочение сопредельных с РФ стран вокруг антироссийской идеи, учитывая сильную структурную зависимость последних от России.

Во-вторых, неприкрытая американская поддержка, оказываемая осуществлению и реализации ряда «революционных» переворотов в странах СНГ по смене власти – результат того, что еще в 1990гг. Москве не удалось трансформировать свою функциональную роль гаранта стабильности на территории СНГ в организованное доминирование. Тем не менее очевидно, что импульсы к проведению институциональных преобразований пока еще не носят характера «необратимых перемен» в плане отстранения или исключения РФ из процессов на постсоветском пространстве, хотя и смахивают на попытку организации так называемого внутреннего балансирования.

В-третьих, не исключается, что в перспективе Вашингтон попытается именно Россию вовлечь в сферу приложения своих интересов, предложив ей некий формат «особого партнерства», возможно, с учетом существования зоны особых интересов и ответственности РФ [16].

4. Перспективы

Маловероятно, чтобы в ближайшем будущем какая-либо отдельная держава была бы в состоянии составить серьезную конкуренцию США в военно-технологической сфере. Слишком велико американское лидерование в обла-

ти высоких и инновационных технологий (включая военные), что вкупе с мощнейшей ресурсной базой обеспечит качественный отрыв США от других конкурентов в этих областях. Видимо исходя из понимания ныне существующей огромной асимметрии возможностей и целого ряда соображений политического характера, администрация Дж.Буша достаточно скептически относится к вопросам получения поддержки и реального «соучастия» своих политических и военных союзников в односторонних действиях США. Тем не менее, наблюдаемая сейчас тенденция консолидации других силовых центров мировой политики, имеющая подспудную направленность как-то уравновесить глобальное или региональное превалирование США, уже вынуждает администрацию пойти на некоторый пересмотр былой жесткости в утверждении собственных интересов. Этот сдвиг наиболее актуален в Ираке, где за этапом силового «внедрения» демократии должен последовать длительный период строительства государственных институтов и обеспечения стабильности.

В этом контексте роль наиболее приемлимой и удобной военно-политической структуры для реактивации коалиционного взаимодействия продолжает играть НАТО. Так, созданный в сентябре 2005г. в стенах Пентагона документ «Условия компромисса» прямо подтверждает факт возникновения у США проблем в области военной безопасности. По словам Д.Рамсфельда, «современные проблемы обеспечения безопасности имеют такой характер, что США не в состоянии добиться успеха, решая их в одностороннем порядке. Поэтому в данном документе предлагается формирование новых партнерских отношений в противодействии нетрадиционным угрозам» [18]. Как отмечалось выше, стратегическая концепция Пентагона предполагает возможность ведения двух обычных (конвенциональных) войн на двух различных ТВД. Однако помимо этого американская армия должна быть готова к континентальной обороне территории самих США, а также к подготовке плацдармов для последующей высадки воинских контингентов в четырех районах мира за пределами континентальной части Соединенных Штатов. Ясно, что без опоры на воинский и военно-технический потенциал НАТО реализация проектов американских стратегов станет чрезвычайно сложной, а возможно и вовсе неосуществимой.

С другой стороны, очевидно, что подобные развития вряд ли приведут к отступлению от заявленных императивных положений «доктрины Буша». Действующая администрация, несомненно, предпримет практические шаги для предотвращения хотя бы частичной потери стратегической инициативы США на Ближнем Востоке. В этом контексте серьезного внимания заслуживают намечающиеся в сфере применения ядерного оружия принципиальные

изменения, которые, по всей видимости, скоро вступят в этап оперативно-практического планирования и реализации.

В марте 2005г. объединенное командование штабов ОВС США представило пересмотренный и отредактированный план-проект доктрины «совместных ядерных операций». Этот касающийся ядерной сферы документ представляет собой совокупность ряда пересмотренных положений Ядерной стратегии (доктрины) США 2002г., включая учет и оценки возможности, эффективности и последствий применения ядерного оружия. По мнению вашингтонских стратегов, «сочетание ударов обычного и ядерного оружия позволяет наиболее эффективно использовать мощь вооруженных сил и предоставляет лидерам США более широкие возможности по принятию мгновенных решений по уничтожению противника» [19]. За последние десять лет это первое серьезное изменение в ядерной стратегии США. Из имеющейся информации можно сделать некоторые предположения о том, какой в ближайшем будущем будет американская политика в этой ключевой сфере.

Важнейшими нововведениями в оперативный план объединенных ядерных операций ОВС США считаются:

1. Задействование принципиального положения, согласно которому региональным командующим группировками ОВС США на ТВ/ТВД предоставляется право запрашивать «одобрение» президента на нанесение «превентивного» ядерного удара в условиях доказанной угрозы применения потенциальным противником ОМУ против США, американских военных объектов и их союзников;
2. Документ выдвинет требование создать новые виды ядерных вооружений, способные поражать скрытые или глубинные цели;
3. Тактические и оперативно-тактические ядерные вооружения будут возвращены в различные армейские подразделения, в частности, будут размещены на надводных военных кораблях [19].

Примечательный исторический факт: в начале 1960-ых гг., когда обострился один из опаснейших кризисов новейшего времени – Карибский, президент Дж.Кеннеди отверг предложение военных о передаче последним части своих «ядерных полномочий», что предполагало в определенных случаях «автономное» принятие решений о применении ЯО [20]. Несмотря на напряженность момента, американский военно-политический истеблишмент тогда все же пришел к выводу о недопустимости какого-либо пересмотра исключительных прерогатив президента в этой области, поскольку это могло привести к «непредсказуемым катастрофическим последствиям». А в 1991г.

было принято решение о демонтаже тактических ядерных вооружений с кораблей надводного военного флота США.

Интересно, что новый концепт ядерной политики США, базирующийся на принципе «возможности определяют цель», умышленно не определяет и не уточняет порог и условия применения ядерного оружия, поскольку «сохранение двусмысленности способствует созданию чувства неуверенности у вероятного противника, что удержит его от враждебных действий» [21].

Опираясь на этот проект пересмотренной ядерной концепции, можно прийти к выводу, что даже в условиях ресурсной недостаточности маловероятно, чтобы США отказались от своих сверхзадач, требующих, с одной стороны, «всеобъемлющих решений», а с другой – быстроты и эффективности действий. Не требующий в этом смысле значительных расходов предполагаемый ввод ядерных вооружений в сферу оперативно-практического планирования может ознаменовать начало нового этапа осуществления силовой политики другими средствами.

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. *Генри Киссинджер*, Нужна ли Америке внешняя политика: к дипломатии для XXI века, М., 2002.
2. *Global Trends and Global Governance*, Pluto Press, 2002.
3. *Measuring National Power*, Gregory F. Treverton, Seth G. Jones, RAND Corporation, 2005.
4. *Jonathan Monten*, The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.S. Strategy, *International Security*, vol. 29, N4 (Spring 2005), p. 112-156.
5. *Elena Ananieva*, Foreign Policy Polemics in the United States, *International Affairs (Moscow)*, 2005, p. 23-33.
6. *Գազիկ Հարությունյան*, ԱՄՆ ռազմավարության որոշ դրույթները իրարյան հիմնախնդիրների համատեքստում, 21 Դար, # 4, 2004, էջ 112:
7. *Andrew Newman*, Arms Control, Proliferation and Terrorism: The Bush Administration's Post-September 11 Security Strategy, *The Journal of Strategic Studies*, vol.27, N1, March 2004, p. 59-88.
8. *US Nuclear Posture Review*, 2001. (<http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm>).
9. *John Davis*, Implications of Preventive Wars for Collective Security, *Mediterranean Quarterly*, Winter 2004, p. 105-118.

10. *Владимир Иванов*, Пентагон вырабатывает матрицу гроз, Независимое военное обозрение, #22 (431), 17 июня 2005г.
11. *Екатерина Степанова*, Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа, Права человека, М., 2001, с. 51-53.
12. *Zbigniew Brzezinski*, Hegemonic Quicksand, The National Interest, Winter 2003/2004, p. 5-16.
13. *Сергей Гриняев*, Приоритеты американской военной стратегии на 2005 год, Независимое военное обозрение, # 6(415), 18.02.2005.
14. См. интервью с Сергеем Роговым, директором Института США и Канады: Вадим Соловьев, Россия и США: чем закончится сюрпряс?, Независимое военное обозрение, #5(414), 11.02.2005.
15. *Robert Ross*, Bipolarity and Balancing in East Asia, Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century, Stanford University, 2004, p. 267-304.
16. *Alexander Bogoturov*, The Time of Central Eurasia, International Affairs (Moscow), vol.51, issue 3, 2005, p.76-84.
17. *William Wohlforth*, Revisiting Balance of Power Theory in Central Eurasia, Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century, Stanford University 2004, p. 214-238.
18. *Владимир Ванин*, Удобное прикрытие для Пентагона, Независимое военное обозрение, #35(444), 16.09.2005.
19. *Александр Федоров*, Америка готовится к ядерным ударам: проводится важная корректировка оперативного плана в отношении стран-изгоев, Независимое военное обозрение, #25(435), 8.07.2005; *Владимир Иванов, Игорь Плутатарев*, Вашингтон всех достанет, Независимое военное обозрение, # 35(444), 16.09.2005.
20. *Graham Allison, Philip Zelikow*, Essence of Decision. Explaining Cuban Missile Crisis, Second Edition, Logman, 1999.
21. Doctrine for Joint Nuclear Operations, US Joint Chiefs of Staffs, March 15, 2005, JP3-12, www.rand.org.

NEW TRENDS IN US GLOBAL STRATEGY AND THE FORMING PARADIGM OF INTERNATIONAL SECURITY STRUCTURE

Vahagn Aglyan

Resume

The article reviews the contemporary trends in the US global strategy, the mainstreams of "Bush doctrine" in a close conjuncture with the processes of globalization and the ongoing struggle against international terrorism, certain aspects

of the revised geopolitical priorities of the incumbent administration as well as some doctrinal issues of the US Nuclear Posture Review to be operational in coming war plans of the US Army. Specifically, within the context of prevailing ideological biases in the US foreign policy concept and recently elaborated by Pentagon the new security “matrix”, the article analyzes the leading aspects of reassessment of the ways and means to provide the US national security, recently adopted strategic principles aimed to deflect the new “asymmetrical” threats and the reasons that stipulated the Administration’s departure from the deterrent doctrine toward more practical postulation of “preventive actions” by all directions. Given the Washington’s tough and, to a certain degree, uncompromised posture to preserve its status as a leading superpower in the world affairs, a thesis is put forward that in the short-term perspective the US policy-makers will do their best to uphold American primacy and strategic initiatives above the key, most dynamically changing regions, while simultaneously checking China’s global ambitions.

At the same time, the resource constraint along with mounting international opposition against the unilateral force projection, potentially, can bring to serious reconsideration in the US one-sided approaches. The evidence of fact is the recent reactivation of military-political relations with NATO’s allies implying their closer hook-up to the US operative “projects”.

On the other hand, the tactical nuclear weapon’s planned return to the Army’s regular units (with “uncertain” threshold of its usage) in the near future may have hardly predictable consequences. Yet, although it is obvious that the coming transformations concerning the nuclear domain is directed to reduce/overcome the resource scarcity in bolstering the US global aims, the character of the expected counter steps by the other power centers may easily “break the rules” of the international struggle against terrorism.